

Поначалу Харуя Ириэ попытался отделаться банальным притворством.

Сперва в ход пошел старый проверенный трюк: заискивающий, полный невинности взгляд. Не сработало. Тогда щенок, перебирая лапками, взобрался по рукаву Сатору Годжо до самого плеча и принялся умильно тереться пушистой мордочкой о его шею.

Сатору наблюдал за этими ласками с невозмутимостью каменного изваяния. Он даже не шелохнулся — лишь шее от мягкой шерстки стало щекотно. Спокойно, но твердо он снял питомца с плеча и усадил прямо перед собой.

— Колись, Лайфу, как давно ты таскаешь мои припасы? — В его пронзительных лазурных глазах, чистых, точно зеркальная гладь, отражалась вся незатейливая хитрость пушистого симулянта.

— У-у-у... — тихо заскулил тот.

«Сам ты Лайфу, наглый мальчишка».

— И как ты связан с тем воришкой, что таскает мои сладости?

— У-у-у...

«Воришкой? Ну так это Лайфу воровал, при чем тут вообще я, Харуя Ириэ?»

— Ближайший месяц будешь сидеть на одном сухом корме.

— У-у-у...

«Погоди, чего?! Ты это сейчас серьезно?!»

Осознав весь ужас перспективы, щенок мгновенно вздыбил шерсть и возмущенно залаял, захлебываясь от негодования:

— Тяв! Тяв-тяв-тяв!..

Голос его от обиды даже сорвался на забавный писк.

— Ты ведь отлично меня понимаешь, правда, Лайфу? — Сатору смерил питомца долгим, испытующим взглядом.

Он давно подозревал, что этот зверь далеко не так прост. Еще при первой встрече щенок умудрился как-то воспользоваться телефоном, да и потом вел себя слишком уж по-человечески. Впрочем, мальчика это ничуть не беспокоило — скорее казалось естественным. В конце концов, у него, Сатору Годжо, и собака должна быть под стать хозяину. Тайны маленького комка шерсти лишь раззадоривали его любопытство, превращая общение в увлекательную и загадочную игру.

Харуе под этим пристальным взглядом стало не по себе. Казалось, небесная синева чужих глаз видит его насквозь, вытягивая наружу все тщательно оберегаемые секреты. Решив больше не испытывать судьбу, он безвольно распластался прямо в тарелке. Всем своим видом пушистый симулянт демонстрировал классическое: «Делай со мной что хочешь, мне все равно».

— Можешь и дальше придуливаться, я все равно докопаюсь до правды, — лениво протянул Сатору, почесывая щенка за ухом. — И выясню, кто ворует мои пирожные, и кто вернул к жизни Мицуки Годжо. А может, это вообще один и тот же человек?

При этих словах Харуя на мгновение оцепенел. Мальчик тут же уловил эту реакцию, и его губы тронула довольная усмешка.

Интуиция подсказывала юному наследнику, что череда странных событий, всколыхнувших поместье в последнее время, напрямую связана с этим таинственным незнакомцем. Щенок его явно знал. Да и Нобутэру вместе с той недавней служанкой тоже явно были с ним заодно. Возможно, в стенах дома затаился сильный маг-заклинатель, сумевший как-то скрыть свое присутствие. И пока неясно, друг он или враг. Но когда они наконец встретятся лицом к лицу, все маски будут сорваны.

Харуя продолжал лежать пластом, мысленно закатывая глаза.

«Рассуждает так, словно я нарочно играю в молчанку. Ты собачий язык сначала выучи, умник!»

— И когда я его найду... — Сатору вдруг наклонился совсем близко. Его красивое детское личико приняло нарочито суровое выражение, а голос зазвучал пугающе холодно: — Я его просто прикончу. Будет знать, как таскать мои сладости.

«Ах ты паршивец мелкий! Так ты платишь своему спасителю?!»

От такого вопиющего безрассудства Харуя опешил настолько, что начисто забыл о конспирации.

«Не смей!»

Звонкий, незнакомый мальчишеский голос отчетливо прозвучал прямо в голове Сатору.

Лазурные глаза мальчика изумленно расширились. Это что... только что заговорил его щенок?

Воздух в комнате словно сгустился. Человек и собака замерли, во все глаза глядя друг на друга в абсолютной тишине.

Наконец Харуя опомнился. Осознав, что натворил, он дернулся, пытаясь улизнуть, но маленькие цепкие ладошки тут же намертво его зажали.

— У-у-у... — жалобно заскулил он.

«Да пусти ты! Подумаешь, объел его величество! Нобутэру новые пирожные купит, делов-то. А он сразу убивать... Что за живодерство!»

Щенок отчаянно забился в руках Сатору, но вырваться из этих детских, но удивительно сильных тисков было невозможно. В глазах юного Годжо, упрямо державшего брыкающийся пушистый комок, вспыхнул дикий, восторженный огонек Шести глаз.

Он не сомневался: голос не принадлежал кому-то постороннему, это не было галлюцинацией и уж точно прозвучало не через барабанные перепонки, а откликнулось непосредственно в сознании. Никаких доказательств больше не требовалось — Сатору твердо знал, что с ним говорил его собственный пес.

Лайфу, его личный домашний питомец, умеет разговаривать! Ни один ребенок в мире не устоял бы перед говорящей собакой. И пусть Сатору почитали как божественное дитя, сейчас в нем проснулся самый обычный мальчишка. Он поднял щенка повыше, вертя его и так и эдак, словно прикидывая, как бы поинтереснее разобрать эту диковинную игрушку, чтобы посмотреть, что там внутри.

— Ты... — только и успел начать Сатору, как в дверь настойчиво и резко постучали.

Явились как нельзя вовремя.

— Войдите, — бросил мальчик, неохотно прерывая допрос.

На пороге показалась служанка. Сатору сразу ее узнал — именно она держала Лайфу на руках в тот памятный день.

— Молодой господин Сатору, глава клана просит вас зайти, — вежливо поклонилась Хуа Лин.

— Хорошо, — небрежно отозвался тот.

Помедлив пару секунд, Хуа Лин добавила:

— Глава просил вас явиться незамедлительно.

Сатору смерил служанку холодным взглядом. Внешне она держалась со всем почтением, подобающим прислуге, однако Шесть глаз мгновенно раскусили ее нехитрый маневр. Все окружение его пса отличалось поразительным двоемыслием. Эта девица пришла вовсе не с поручением от отца — она просто спасала шкуру прижатого к ногтю заговорщика.

«Ну и пусть», — хмыкнул про себя мальчик. Он перевел взгляд на зажатого в ладонях щенка, который все еще усердно сучил коротенькими лапками, и разжал пальцы. Время у них еще будет.

Почувствовав свободу, Харуя спрыгнул на пол и пулей вылетел из комнаты, только его и видели.

— А ты, я гляжу, сильно за него переживаешь, — Сатору посмотрел вслед беглецу, а затем перевел взгляд на служанку. — Только помни: это моя собака.

Хуа Лин лишь ниже склонила голову, благоразумно промолчав в ответ. Стоило шагам молодого господина затихнуть в коридоре, как она развернулась и поспешила прочь.

Как Хуа Лин и думала, беглец забился в тот самый заброшенный внутренний дворик, где они встретились впервые. Маленький комочек уныло сжался за каменным изваянием стража-льва.

— Господин Бог-собака, с вами все в порядке? — обеспокоенно спросила она, присев рядом.

Щенок лишь вяло шевельнул кончиком хвоста.

— Молодой господин Сатору вас обидел?

Услышав это, пес нехотя повернулся к ней мордочкой.

«Да нет... его тоже можно понять».

В конце концов, он сам виноват — таскал чужие сладости, причем регулярно.

— Вот как. И сильно он разозлился? — Хуа Лин, разумеется, прекрасно знала обо всех прегрешениях своего покровителя.

«Да откуда мне знать... Пусть делает что хочет».

«А сам ведь переживает», — мысленно вздохнула служанка, глядя на его понурый вид.

— Кстати, послезавтра у молодого господина день рождения, — невзначай обронила она.

Харуя замер. Он порывался что-то сказать, но вовремя прикусил язык.

— Устроят грандиозный прием, — продолжала Хуа Лин. — Молодой господин впервые официально предстанет перед всем магическим миром как божественное дитя.

Об этом торжестве Харуя знал давно. Первого выхода в свет Шестиглазого наследника ждали все без исключения. Великие кланы и могущественные фракции сгорали от нетерпения, желая лично увидеть гения, само рождение которого навсегда изменило баланс сил в мире магии. Наверняка вредному мальчишке преподнесут горы бесценных даров. Может, и ему стоит приготовить какой-нибудь подарок? Заодно и за ворованные сладости извинится. Но что подарить тому, у кого и так есть все на свете?

Харуя ненадолго задумался, и тут его осенило.

«Придумал».

«Я проведу эти пару дней в лаборатории, — Харуя уверенно кивнул служанке. — Если кое-кто будет интересоваться, скажи, что я скоро вернусь».

Намек на этого самого «кое-кого» был прозрачнее некуда.

— Я передам молодому господину Сатору, — понимающе улыбнулась Хуа Лин.

Маленький песик смущенно отвернулся, уткнувшись носом в лапы.

К празднику начали готовиться за сутки.

Вся усадьба Годжо превратилась в растревоженный улей. Слуги без усталости украшали залы, повара утверждали праздничное меню, старейшины перепроверяли списки приглашенных. Маги клана спешно обновляли защитные барьеры и заклинали печати, чтобы пресечь любые попытки недоброжелателей сорвать торжество. Мелькавшие повсюду слуги суетились слаженно и быстро. С каждым часом старинное, вечно мрачное поместье преображалось, наполняясь яркими красками и предвкушением большого праздника.

И лишь один человек казался совершенно чужим в этом буйстве красок, одиноко стоя у

внешней ограды поместья. Высокий мужчина в темно-сером, выцветшем кимоно выглядел точно грозовая туча. Даже на расстоянии от него за версту веяло беспросветной тоской и глухим, давящим равнодушием к жизни. Он слегка закинул голову, глядя куда-то вдаль, а может, просто лениво коротал время.

Там, за высокой стеной, подрастал обожаемый всем магическим миром гений. А здесь, снаружи, прозябал тот, кого старейшины презрительно именовали ничтожеством, недостойным звания человека.

Человек, известный как Тодзи Дзэнин, постоял так еще немного и уже собирался уходить, как вдруг какое-то странное предчувствие — словно сам рок велел ему задержаться — заставило его обернуться.

Чуть поодаль по дорожке служанка вела маленького беловолосого мальчика. Ребенок, словно уловив чужой взгляд, обернулся. Их глаза встретились лишь на миг, после чего наследник Годжо безучастно отвернулся. Потрясающей красоты лазурные глаза, в которых не читалось ровным счетом ничего. Настоящее божество — холодное и недостижимое.

Тодзи лишь усмехнулся про себя. Его не заботило, что его заметили, да и юный Сатору не придавал значения случайному прохожему, пусть даже тот и излучал скрытую угрозу.

Вдруг из придорожной травы выскочил крохотный щенок. Весело повиливая хвостом, он бросился к мальчику, но у самой его ноги испуганно замер, словно решая, стоит ли подходить ближе. Тодзи ожидал, что надменный маленький господин пройдет мимо, даже не взглянув на приبلудную дворнягу. Однако Сатору остановился, присел на корточки и, помолчав немного, бережно взял щенка на руки.

На бледных губах божественного дитя на мгновение промелькнула едва заметная, но поразительно теплая улыбка. В этот миг грозное, недоступное божество словно сделало шаг навстречу простому человеческому теплу.

Харуя мысленно приготовился к расспросам или новой вспышке гнева, но мальчик вел себя как обычно. Он просто держал его на руках, утыкаясь носом в пушистую макушку. Словно не было того странного разговора, словно щенок никогда не заговаривал с ним человеческим голосом. Он даже не спросил, где пропадал его питомец все эти дни.

На душе у Харуи мгновенно отлегло, уступив место какому-то новому, трепетному чувству. Нечто подобное он испытал, когда впервые погрузился в глубины разума Сатору. Это же ощущение порой накатывало, стоило ему заглянуть в эти бездонные лазурные глаза. Несокрушимый покой, сила, кристальная ясность и всепрощающая мягкость. В его обществе Харуе казалось, будто он наконец-то очнулся от затяжного, путаного кошмара.

Поддавшись порыву, щенок ласково лизнул мальчика в щеку.

— Ты чего? — тихо спросил Сатору, чуть повернув голову.

Песик лишь тихонько твякнул в ответ. Мальчик не стал настаивать на полноценной беседе — он понимал, что всему свое время.

«Только с ним все иначе», — думал Харуя.

Он осознал это еще тогда, когда впервые увидел перед собой эти удивительные синие глаза. Среди бесконечного хаоса, когда остатки разума, казалось, ускользали сквозь пальцы, ему было достаточно лишь одного взгляда на Сатору, чтобы буря в его душе утихла, уступив место долгожданной, благословенной тишине.

<http://bllate.org/book/19550/1961383>